
Н. В. ПОНЫРКО

**«Мирское» житие как новый тип жития
в русской агиографии XVII века***

В настоящей статье мне хочется привлечь внимание к особому типу литературных памятников, который в рамках житийного жанра породила наша словесность в XVII в. В чем состоит их особенность, делается понятно, как только мы очертим круг этих произведений: Житие «преподобной и праведной» Юлиании Лазаревской, Житие «преподобномученицы» боярыни Морозовой, Житие «блаженного отца» Ивана (Григория) Неронова и Житие «милостивого мужа» Феодора Ртищева. Герои всех названных житий — миряне, будь то мать 13 детей муромская помещица Ульяния Устиновна Осорьина,¹ или ближняя боярыня царицы Марьи Ильиничны Милославской, поборница «старой веры» Федосья Прокопьевна Морозова,² или же представитель белого духовенства, мирской священник, протопоп московского Казанского собора, деятельный член кружка «ревнителей благочестия» Иван Неронов,³ или же, наконец, влиятельный сановник при дворе царя Алексея Михайловича, воспитатель царевича Алексея Алексеевича окольничий Федор Михайлович Ртищев.⁴ Все они миряне, но вовсе не все

* Краткий вариант настоящей статьи опубликован в сборнике: *Круги времени : В память Елены Константиновны Ромодановской*. В 2-х т. М., 2015. Т. 2. С. 331—342.

¹ Издание текста Жития, исследование и литературу см.: *Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорьиной) / Исслед. и подгот. текстов Т. Р. Руди*. СПб., 1996.

² Издание текста Жития, исследование и литературу см.: *Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина*. Л., 1979.

³ Издание текста Жития осуществил в 1874 г. Н. И. Субботин (по единственному известному ему списку, указав при этом неверный шифр рукописи, из-за чего список долгое время был недоступен исследователям, см.: *Федотова М. А.* К истории Четых Миней Дмитрия Ростовского : *Рукописные материалы // Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2012. Т. 11: Филология. С. 128—130) : *Материалы для истории раскола за первое время его существования, изданные Н. И. Субботиным*. [М., 1874]. Т. 1. С. 243—305. В наши дни издание Н. И. Субботина (устаревшее с точки зрения принципов публикации текста) было некритически перепечатано в кн.: *Протопоп Иван Неронов : Собрание документов эпохи / Под ред. К. Я. Кожурина*. СПб., 2012. С. 11—41. В настоящей статье мы будем ссылаться на Житие Ивана Неронова по наиболее раннему из трех известных на сегодняшний день списков этого памятника: РГАДА. Ф. 381, № 420, л. 150—177 (см. примеч. 17).

⁴ Издание текста Жития и исследование см.: *Козловский И. Ф. М. Ртищев : Историко-биографическое исследование*. Киев, 1906; *Панич Т. В.* Житие Федора Ртищева — памятник поздней агиографии // *Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI—XX вв.* / Отв. ред. А. Х. Элерт. Новосибирск, 2018. С. 225—250.

представляют чистый тип праведника-мирянина. Боярыня Морозова, позиционированная автором Жития как «преподобномученица», перед арестом приняла тайный постриг, с именем Феодора, и умерла инокиней в боровской земляной тюрьме. Иноком и архимандритом Данилова Переяславского монастыря умер и «блаженный отец» (дефиниция Жития!) Иван Неронов, в иночестве Григорий.⁵ Ульяния же Осорьина и Федор Ртищев отошли к Богу в домашней обстановке, окруженные близкими людьми, любимыми чадами и домочадцами.

Помимо нового типа героя в интересующих нас житиях присутствует и новый тип автора — мирянина:⁶ создателем Жития Юлиании Лазаревской был ее сын Дружина Осорьин;⁷ Житие боярыни Морозовой написано старшим братом Федосьи Прокопьевны Морозовой окольничим и воеводой Федором Прокопьевичем Соковниным,⁸ — оба миряне и близкие родственники описываемых подвижников. Что касается Жития Ивана Неронова, то его автор на сегодняшний день не установлен. Но то изобилие мелких бытовых подробностей, имен и фактов, в особенности относящихся к годам юности и возмужания героя, которое присутствует в этом Житии,⁹ заставляет думать, что оно создавалось не без участия близких к герою людей, таких, к примеру, как его сын Феофилакт, который, как явствует из рукописного наследия

⁵ В русской агиографии на сегодняшний день известно единственное житие — Житие Василия-Варлаама Важского, — герой которого по характеру святости может быть отнесен как к типу праведных мирян (будучи новгородским посадником, творил добрые дела в миру на протяжении большей части своей жизни), так и к преподобным инокам (в конце жизни постригся и построил монастырь). При этом большую часть повествования в Житии Варлаама Важского составляет описание деятельности героя в миру (см.: *Исидорова З. Н.* Житие Варлаама Важского в контексте агиографического канона // *Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации.* СПб., 2011. Т. II. С. 112—139).

⁶ До этого авторами житий выступали лица духовного чина, как правило иночествующие. Автором упомянутого Жития Варлаама Важского (во многих чертах усвоившего тип жития праведника-мирянина) тоже был представитель духовного сословия — иеромонах Антониево-Сийского монастыря Иона (см. примеч. 5).

⁷ См.: Житие Юлиании Лазаревской. С. 75—76.

⁸ См.: *Поньрко Н. В.* Федор Соковнин — автор Жития своей сестры боярыни Морозовой // *Поньрко Н. В.* Три жития — три жизни. Протопоп Аввакум, иннок Епифаний, боярыня Морозова: Тексты, статьи, комментарии. СПб., 2010. С. 23—30.

⁹ Вплоть до имени друга отроческих лет, с которым Иван ушел из родительского дома («оставив сродников своих, и отъиде с единым отроком домовним, *ему же имя Евфимий*, и прииде во град Вологду»), или имени первого его учителя грамоте («Приидоста же в пределы града Устюга и обретоста в некоей веси человека, бояся Бога, *именем Тита*, служаща в святей церкви пением и чтением <...>). Иоанн же начат молити мужа того, да бы его изучил книжного чтения и разумения Божественнаго Писания, такожде и Евфимий моляше его. Той же блаженный муж повеле им жити в дому своем и учиться книгам с прочими ученики, к нему в учение приходящими»), или имени его тестя, священника села Никольского-Соболева под Юрьевцем Повольским, где Иван начал приобщаться к церковнослужению («*Священник же Иоанн*, видев юношу сего присно пребывающа во всякой добродетели и непрестанно прилежаща церкви Божией, возлюбил его зело и вдаде ему дочь свою, именем Евдокию, в супружество»), или имени некоего «начальника» из того же села Никольского-Соболева («И прииде Иоанн с радостию во своя си <...> и вдаде писание от патриарха *начальнику села того Гавриилу* о взыскании клеветы. Гавриил же, абие призвав всех иереев села того и иже с ними советников, повеле в услышание всем чести патриаршное писание) (РГАДА. Ф. 381, № 420, л. 150 об.—151 об., 154 об.).

Иоанна-Григория, принимал деятельное участие в подготовке и пересылке посланий своего отца к разным лицам.¹⁰

Кто был автором Жития Федора Михайловича Ртищева, тоже неизвестно. Высказывались мнения, что им мог быть Карион Истомин или Евфимий Чудовский,¹¹ но на недостаточную убедительность этих предположений указала еще Е. К. Ромодановская в статье о Житии Ф. М. Ртищева в Словаре книжников.¹² Во всяком случае заключительная сцена этого произведения не могла быть создана без ближайших к дому Федора Михайловича людей, поскольку в ней подробно описывается прощание умирающего героя Жития с многочисленными родными и близкими, с точным указанием их имен, с житейскими подробностями и деталями наставлений умирающего, актуальными в первую очередь, и даже исключительно, для близких родственников и наследников.¹³

Вот эта-то обстановка мирской жизни, составляющая в названных житиях основной фон повествования, и есть, как мне представляется, то новое, что приходит с новым, мирским, героем и новым, мирским, автором в «новые» жития XVII в. Ее пределы могут быть ограничены рамками семейного круга и усадебного подворья (как в случае с Ульянией Осорьбиной), а могут и далеко выходить за эти рамки, охватывая гораздо более широкое поле

¹⁰ Послание ссыльного протопопа Иоанна Неронова царю Алексею Михайловичу, отосланное из Спасо-Каменного монастыря в 1653 г., было писано рукой его сына, скорее всего, Феофилакта, о чем свидетельствует заключительная строчка послания: «А вся сия писал сын мой» (далее в дошедшей до нас копии этого послания следует приписка: «У подлинного моления и у росписи позади на споях рука отца протопопа Иоанна сице: „К сему прошению и молению протопоп Иоанн руку приложил“»). (См.: Протопоп Иван Неронов : Собрание документов. С. 81). В 1666 г. в письме к некоему Афанасию Максиминовичу уже не протопоп, а инок Григорий Неронов, отправленный под начал на этот раз в Иосифов Волоколамский монастырь, просил своего адресата передать сыну Феофилакту несколько поручений, связанных с составлением «молебного послания старца Григория к вселенским патриархам»: «Да о том тебя молю, брате, изволь ты повидаца с Феофилактом о дву статьях <...> да и о том бы Феофилакт проведал, как вселенскому папе и патриарху имя и как ево титла пишоца (имеется в виду один из адресатов подготавливаемого Нероновым послания патриарх Паисий Александрийский, прибывший на Московский собор 1666—1667 гг. — Н. П.), и которые с ним власти; и мощно Феофилакту та два дела подать. Да Феофилакт бы сыскал толмача Иосифа Иосифовича <...>. И Феофилакт бы о всем с тем Иосифом переговорил и грамотку показал <...>. А мне ведомо учините» (Там же. С. 136).

¹¹ См.: Козловский И. Ф. М. Ртищев... С. 25—26; Флоровский А. Чудовский инок Евфимий : Один из последних поборников «греческого учения» в Москве в конце XVII века // Slavica. 1949. R. 19, ses. 1—2. S. 104; Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990. С. 149; Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве. М., 2009. С. 48. В своей новейшей работе Т. В. Панич обратила внимание на косвенные свидетельства, которые могут говорить о причастности к написанию Жития как Евфимия Чудовского, так и Игнатия Римского-Корсакова (Панич Т. В. Житие Федора Ртищева... С. 231—234).

¹² Ромодановская Е. К. Житие Федора Ртищева // Словарь книжников. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1. А—З. С. 391—393.

¹³ «О разлучении же своем к присядящим, в печали сущим, *сестре его Анне, и супруге его Ксени, и чадом своим*, глаголаше, во еже бы им не скорбети, но упование возложить на Бога и между собою имети любовь. И к *сестре его Анне*, юже он аки мать почиташе, завеща супруге своей почитание и послушание отдавати, ибо она бяше ему во всяком благотворении споспешница, *яже вдовствова в дому его благочестно тридесять и едино лето, в супружестве же поживе точию едино лето.*

российской действительности, от боярских теремов и домов приходского духовенства до царских покоев и палат церковных властей, до ямских дворов и тюремных острогов (как в случае с боярыней Морозовой, Иваном Нероновым, Федором Ртищевым).

Характерно, что время создания каждого из выделенных нами житий близко ко времени жизни их героев, — черта вовсе не универсальная в агиографии. Достаточно напомнить о Житии Варлаама Важского, созданном иеромонахом Ионой спустя 127 лет после кончины святого.¹⁴ Подобных примеров, как известно, множество. А вот Житие Юлиании Лазаревской, преставившейся в 1604 г., ее сын Дружина Осорьин написал вскоре после того, как через 10 лет после смерти праведницы был обретен гроб с ее нетленными мощами;¹⁵ Житие боярыни Морозовой, замученной голодом в 1675 г. в Боровской тюрьме, было написано ее братом Федором Прокопьевичем Соковниным не позднее 1682 г.;¹⁶ годы создания Жития Ивана Неронова (ум. в 1670 г.) покуда точно не установлены, во всяком случае можно определенно говорить о времени не позднее 1709 г.;¹⁷ время написания Жития Ф. М. Ртищева (ум. в 1673 г.) определяется промежутком между 80—90-ми гг. XVII в.¹⁸

С появлением нового героя в «мирских» житиях появляется и ряд новых тем и персонажей. В первую очередь — явственно звучащая «социальная» тема. Эта тема доминирует в Житии Ульянии Лазаревской, вся жизнь которой прошла в подвижническом служении ближним, убогим и нищим, всем, кого она поддерживала, питала и обогревала, спасала от смерти в голодные годы и погребала за свой счет. Уже в первые годы супружества Юлиания, как пишет автор Жития, «прилежно руки своя на веретено утверждаше и на пяличное дело. И то продав, и цену нищим раздаяше, а иное на церковное

Таже призва и зятя своего князя Василиа Одоевского и супругу его, а свою дщерь, Акалину и глаголаше к ним с прошением: „Молю вы, мне любезнии! Сотворите мое к вам прошение во исполнении: паче инех ваших по мне благоволений в мое помяновение сотворите милость своим поселяном, ихже аз вам дах в вечно, да будут под властью вашею во отраде и в возможности работы и оброков ваших, ибо они нам суть братия. Такогого от вас прошу по себе строения“. О домохадцех же своих заповеда, да будут вси свободни.

Призва же и ближняго своего брата Богдана, званием Хитрово, саном боярина и оружейничаго, и сему глаголаше с прошением, да препоконит старость отца его Михаила и домашних его да снабдит» (*Козловский И. Ф. М. Ртищев...* С. 166—167. Ср.: *Панич Т. В. Житие Федора Ртищева...* С. 246—247).

¹⁴ См.: *Исидорова З. Н. Житие Варлаама Важского...* С. 112—114.

¹⁵ См.: Житие Юлиании Лазаревской. С. 3.

¹⁶ См.: Житие боярыни Морозовой. С. 62—64.

¹⁷ Один из списков Жития (РГАДА. Ф. 381 (Библиотека Московской синодальной типографии), № 420, л. 150—177) находится в авторизованной рукописи Дмитрия Ростовского, умершего в 1709 г. (см.: *Державин А., протоиерей. Радуют верных сердца // Четии-Миней святителя Дмитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник. М., 2006. Ч. 1. С. 242—248; Федотова М. А. К истории Четых Миней Дмитрия Ростовского...* С. 128—130). Список РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.), № 10473, л. 140—198 об. датируется первой третью XVIII в. (см.: *Романова А. А. Неронов Иван // Словарь книжников. СПб., 2004. Вып. 3, ч. 4. С. 707*). Последний из известных списков ГИМ. Собр. Уварова, № 185, л. 265—327 об. датируется архим. Леонидом XVIII в. (см.: *Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. В четырех частях. М., 1893. Ч. 2. С. 411—412*).

¹⁸ *Ромодановская Е. К. Житие Федора Ртищева. С. 391—392.*

строение расточаше (...). Многу бо милостыню и отай свекра своего и свекрови творяше, точию единой малой рабицы сия сведуши, с неюже посылаше милостыню требующим (...). В день же домовное строение без лености правяше. Вдовами же и сиротами, аки истовая мати, печашеся, своима рукама омывая, кормляше, и обшиваше, и напаяше». Во время первого голода, упомянутого в Житии, Юлиания «многу милостыню творяше отай всех людей, взимаше у свекрови пищу аки на утреннее и на полуденное ядение и сие нищим даяше, сама бо издетска до обеда не вкушаше и по обеде до вечерняго ядения. Видевши же свекры, глагола ей: „О, невестко, ведый буди, яко аз радуюся о твоём частом ядении. Но дивлюся, како нрав твой премеися. Егда хлеба обилие бе, тогда не могах тя к раннему и к полуденному ядению принудити, а ныне в мире оскудение пищи, и ты раннее и полуденное ядение вземлещи”. Она же, хотя утаитися, отвеща глагола: „Егда не родих детей, не хотяше ми ясти, а егда начах родити дети, тогда обезсилех и не могу наестися пищи. Не точию в день, но и в ночь множицею хотяше ми ся ясти и срамляюся у тебе просити”. Свекры же посылаше ей пищу доволну (...). Она же принимаше пищу у свекрови и сама не вкушаше, но все требующим раздаваше. Егда же кто от нищих умираше, наймоваше обмывати и, умиралныя ризы покупая, даяше, и на погребение сребреницы посылаше. А егда видяше мертвца в селе своем, погребяема, знаема кого или незнаема, не остави ни единого, еже бы о души его не помолитися».

В наступившее вслед за голодом моровое поветрие «блаженная, оттай свекра и свекрови уязвленных многих своима рукама в бани обмывая, целяше и Бога моляше о исцелении. Аще ли кто умираше, она же многи сироты своима рукама обмываше, и погребалная воскладая, и к погребению относити наймоваше».

Особенное подвижничество проявила Юлиания в страшный голод времен правления Бориса Годунова. «В то же время бысть глад крепок по всей Российской земли, яко многим от нужды скверных мяс и человеческих плотей вкушати, и множество человек неисчетно голодом изомроша. Она же моляше дети своя и рабы, еже отнюд ничему чюжему или татьбе не коснуться, но елика имяше скоты оставшия, и ризы, и сосуды вся распрода на жито, и от того челядь свою кормяше, и милостыню доволну просящим даяше, и в нищете бо обычныя милостыни не оставя, и ни единого нища от приходящих не испусти тщам недрома. Достигши же в последнюю нищету, яко ни единому зерну обрестися в дому ея, но и о том она не смятеша, но все упование на Бога возложи. (...) Велице же скудости умножися в дому ея, она же созва рабы своя и глагола им: „Се глад обдержит нас, видите сами. Да аще кто от вас хошет со мною терпети, добро и приятно, а кто не хошет, да идет на свободу, да не изнуритесь мене ради”. От них же доброразсуднии обещахася с нею терпети, а инии отидоша. Она же со благодарением и молитвою отпусти я, не подержа гнева нимало, и повеле оставльшим рабом собирать траву, рекомую лебеду, и кору древяну, рекомую илем, и в том повеле творити хлебы. И от того сама, и дети своя, и рабы питаше, и молитвою ея бысть хлеб сладок, и никто в дому ея не изнеможе от глада. От того хлеба и нищих питаше, и не накормив, нища из дому не отпусти. В то бо время бес числа нищих бе. И глаголаху им соседи ея: „Что ради во Иулианин дом входите? Она и сама голодом измирает”. Нищи же поведаху им, яко „многа села обхо-

дихом и чисты хлебы приемлем, а такова в сладость не наедаемся, яко сладок хлеб у вдовы сея»¹⁹.

То же самое можно сказать и о Житии Федора Ртищева. Стоит напомнить, что на материале Житий Юлиании Осорьиной и Федора Ртищева В. О. Ключевский создал знаменитую статью «Добрые люди Древней Руси», не потерявшую в своем публицистическом пафосе актуальности и в наши дни.²⁰

Житие «милостивого мужа Феодора, званием Ртищева» представляет своего героя творящим дела милосердия как в относительно узких рамках собственного имени, так и в масштабах общероссийской государственности. Автор подчеркивает милосердное отношение Федора Михайловича Ртищева к принадлежавшим ему крестьянам, слугам и домочадцам, что отразилось в цитированном выше описании его кончины, когда он просил своих наследников заботиться о своих «поселянах»: «да будут под властью вашею во отраде и в возможности работы и оброков ваших, ибо они вам суть братия», а о домочадцах завещал: «да будут вси свободни».²¹ При жизни Федора Михайловича его забота о собственных крестьянах имела убедительное воплощение в его делах; затрагивая эту тему, агиограф сообщает, как «некогда же ему случися ради зело нужных потребы продати село свое, зовомое Ильинское. И совещав с купцем о цене села того, призва и и рече ему: „Аз тебе цену умаляю ради села того поселян, да имеши их в милости и трудами и податми их да не отягощаеши; но по возможности им вся та да будут свободно”. И в сем купца освидетельствовал пред Господем Богом».²² Еще более грандиозная акция милосердия состоялась, когда Федор Михайлович отказался от продажи принадлежащих ему земель в пределах города Арзамаса. «Имяше убо он, — рассказывает агиограф, — близ града Арзамаса пространство земли немало. Ему же за ону землю даяху до тысячи рублей. Уведав же он, яко зело она земля градским жителем есть потребна, а егда он ту землю продаст, и от тоя земли будут имети велие утеснение, не восхотев величеством цены за ту землю увеселятися, но повеле о сем возвестити того града жителем, яко хочет он ту землю оным продати. Слышав же они, зелне тщахуся ону землю себе пристяжати на препитание, но скудости ради не могуще за ону землю дати цены достойныя и того ради в недоумении пребываху, не знающе, что сотворити. Он же, разсудя о сем благо разумно (...) видев им ту землю зело потребную и их недостаточество видя, повеле им ону землю отдати без цены и за ними ту вечно утвердити».²³

Благотворительность Федора Ртищева в общегосударственных масштабах выразилась в его заботе о раненых и пленных во время его участия в военных походах царя Алексея Михайловича на Литву (1654 г.) и Швецию (1656 г.), в устройении на личные средства богаделенных домов для нищих и бездомных, больниц для увечных и недужных, в создании и содержании на

¹⁹ См.: Житие Юлиании Лазаревской. С. 126—129, 137—139.

²⁰ Ключевский В. О. Добрые люди Древней Руси // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1892. Январь (см.: Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 3. С. 329—333).

²¹ См. примеч. 13.

²² Козловский И. Ф. М. Ртищев... С. 165. Ср.: Панич Т. В. Житие Федора Ртищева... С. 245.

²³ Там же. С. 165—166. Ср.: Панич Т. В. Житие Федора Ртищева... С. 246.

собственные средства ради просветительских целей Андреевского монастыря в Москве.²⁴

Жития Юлиании Лазаревской и Федора Михайловича Ртищева — типичные Жития праведников-мирян, мотив милосердия является основным

²⁴ Житие рассказывает, как Федор Михайлович, «обрете место близ царствующаго града Москвы (...) к жительству иноческого собрания потребно, еще же (...) и близ пути из града Киева в царствующий град лежащаго. За благоволением царским и за благословением святейшаго патриарха Иосифа *устрои на том месте монастырь (...) и в потребная того монастыря от своего имени дающе нещадно*. Во нь же на житие призва из Киева из святых лавры Печерския и из Межигорскаго и из иных малороссийских монастырей иноков, числом тридцать, в житии и в чине и во чтении и пении церковном и келейном правило изрядных (...) и других иноков во учении известных, да предадут учение грамматики славенской и греческой, даже до риторики и философии (...). И за его *благим потщанием* тии иноцы от греческаго языка на славенский многи *душеполезныя книги преведоша*».

В другом месте Жития сообщается: «Егда убо подвигнуся благочестивому самодержцу с воинством своим на королевство Полское и великое княжество Литовское, тогда и сему Федору царским повелением в той рати спутствующу. В оном же путешествии *егда кого он виде на пути нища и от скорби изнемогша (...) онаго примаше он на колесницу свою и прилежаше ему со усердием*. Сам же нозе име болезненне, еяже ради болезни не бе ему удобь кроме колесницы путешествовати, обаче совершенная в нем любовь к Богу превозмогаше скорбь его. Ибо овогда с болезнующими купно на колеснице своей седяше и от мног труд себе с любовью примаше, яко ради утеснения, тако и от гнойных болезней зловония. Овогда же ради им утеснения, с великим трудом сам с колесницы своя на конь всед, путешествие творяше. (...) *Егда же в коем граде или месте от ран или от скорби изнемогших и зимою сляченных обреташе, и оных, собирая в дома, на сие отлученныя, назиратаев и врачей им и кормителей устрояше (...) во упокоение их и врачевание от имени своего им изнурая*».

Повествуется также, что Федор Михайлович, «вспоминая страдания пленных и терпение их во странах инородных, призва к себе некоего купца гречина, именем Афанасий, ведый его мужа христианскими добродетелими украшена и своим именем от плена на свободу многих искупающа, и *вдав ему тысячу рублев сребра, завеца пред Господем Богом, да тем сребром искупит пленных от агарян и суцим в плене сотворит милость, koliko возможно (...)*. Не точию же сия сей муж благий показа дела милосердия (...) в плене живущим единоверным своим в странах чуждых, но и от стран иноплеменных в плен приведенным многу милость творяше и в заточении далнем помилованием своим назираше.

Сам же присно обще о всех промышляя, посылаше соглядатаи на пути града, да *идеже обряцут от болезни и глада изнемогших, и оных повелевая привозити в дом на се устроенный, в немже оным от имени своего потребными доволство творяше* и сам тамо их своим прибытием посещаше, ихже тамо овогда двадцать, овогда же и тридцать человек в различных болезнях бываху (...). *И не точию о объятых скорбию тщание имаше, но и от пиянства изнемогших и на путех лежащих никогдаже мину, но и оных упокая (...) в темницах седящия и различными скорбми одержимыя сам посещаше, суцим в долгах, в напастех и в бедах вспомогае*.

Своего же дома ко служебником и поселяном таков бе милостив, яко когда кому от них случашеся быти достойну наказания, таковыя страхом, по апостолу, от огня восхищая, и о их скорбех не веселяся, но яко с ними сострада, и о них яко о своем телеси пекийся. Милостыню убогим творяше *незабытно*. *И якоже прилежа о деянии милостыни, такоже и от излишняго взимания от своих поселян отметаешся*. Работу же им комуждо по силе устрояше (...).

В царствующем же граде Москве, видя скитающыя и по путем лежащыя, всякия недужныя, никакова прибежища имущыя, купи некий domeц и устрои в нем две келии, и тамо собрав овогда 13 человек, а овогда и 15 человек питае и упокоиваше тья от последняго своего имени даже до смерти своя. По смерти же его и до днесь то место зовомо есть болница Федора Ртищева» (Козловский И. Ф. М. Ртищев... С. 157, 160—161, 162, 164. Ср.: Панич Т. В. Житие Федора Ртищева... С. 237—238, 240—245).

маркирующим признаком такого типа житий. И все же размах, с каким в обоих житиях представлена тема социального служения героя, беспрецедентен.

Тема социального служения героя также выразительно и развернуто подчеркнута в Житии Ивана Неронова, вряд ли относящегося к типу житий праведников-мирян (в агиотипе этого Жития следует разбираться отдельно). Социальное служение Ивана Неронова связано с особым учительным характером его деятельности как приходского священника. Известно, что возрождение устной проповеди в среде московского духовенства связано с его именем.²⁵ Он привез свой проповеднический энтузиазм в Москву из Нижнего Новгорода, где в свое время возродил стоявшую в запустении деревянную церковь Воскресения Христова. С появлением священника у Воскресенской церкви и возрождением там прихода «множество народа, не тобою от меньших, но и от именитых граждан, прихождаху с женами и детьми послушать учения иерея Иоанна, еще же и от окрестных весей прихождаху людие».²⁶ В Казанском соборе Москвы, после поставления его туда протопопом с подачи царского духовника Стефана Вонифатьева и окольного Федора Михайловича Ртищева, происходило то же самое: «И прихождаху мног народ в церковь отвсюду, яко не вмещатися им и в паперти церковней, но восхождаху на крыло паперти и, зряще в окна, послушаху пения и чтения Божественных словес. Написа же и окрест стены святыя церкви поучительная словеса, да всяк от народа приходяй к церкви, аще и кроме пения, не простират ума своего на пустошная мира сего, но да прочитует написанное на стенах и пользу душе приемлет».²⁷

При этом подчеркивается, что и в Москве, так же как и в Нижнем Новгороде, Иоанн «прилежаше же наипаче ко странноприимству и призираше маломощных, и клосных, и разслабленных, и своима рукама омываше их, не гнушаяся, аще и злосмрадных. А врата его никогда затворены бываху от приходящих к нему день и нош. Живущих же и пришлецов странных, и иже

²⁵ См.: *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество : Духовные движения семнадцатого века. Репринтное воспроизведение. М.: Церковь, 1995. С. 78—82.

²⁶ «И видевше людие, — сообщает Житие, — яко нечаянно по толицех летех обретесе у тоя опустелыя церкви священник, начаша, приходяще, слушати Божественнаго пения, а наипаче слышаше поучения его наслаждахуся. Иоанн же почиташе им Божественныя книги с разсуждением и толковаше всяку речь ясно и зело просто слушателем простым, воеже бы им возможно было внимати и памятовати. И вси ползовахуся поучением его и умиляхуся, зряще толикое его тщание о спасении душ человеческих, купно и велие смирение: ибо, поучая народ, кланяшесе на обе страны до земли, с слезами моля, да бы обносили и кииждо в домех своих сущим слышанная поведывали, и таково си купно да бы друг друга убеждали ко спасению. По совершении же церковнаго пения, хождаше по стогнам града и на торжищи, нося с собою книгу великаго светильника Иоанна Златоустаго, именуемую Маргарит, возвещая всем путь спасения {...}».

Бе же Иоанн любяй зело странноприимство, и ничтоже удержаваше себе, но вся даемая ему истоцаше в утробы нищих и странных: мнози бо страннии пришельцы обитаху в дому его, а иныя учения ради при нем живяху, ихже всех он от подаваемыя ему милостыни питаше, ни щадя, ниже оставляя что в дому своем. На трапезе же, егда представляшесе пища живущим в дому его пришельцем странным, тогда призираше сам, да бы брашно всем было там равно {...}. Седящих же за трапезою бываше по сту человек и вящши на всяк день...» (РГАДА. Ф. 381, № 420, л. 155 об.—156, 157).

²⁷ Там же. Л. 166.

в больнице болящих, и приемлющих пищу и одежду в дому его по вся дни бываше человек двести и вящше».²⁸

Подобные развернутые картины, описанные в Житии Иоанна Неронова, сопоставимы с образами и ситуациями Житий Ульянии Лазаревской и Федора Ртищева. В Житии Федора Ртищева есть рассказ о поведении героя во время голода, случившегося в 1658 г. в вологодских землях, когда Федор Михайлович, «собрав своя одежды и иная дому своего потребная», продал все это, а деньги отослал к архиепископу Вологодскому Симеону, «воеже бы ему оными деньгами препитати убогия во время глада».²⁹ Примечательно, что в то же самое время помогал вологодским голодающим опальный Григорий Неронов, укрывавшийся в тот момент в Игнатьевской пустыни на реке Саре близ Вологды, Житие которого сообщает: когда люди «хлебныя ради скудости ядыху траву и корения, и вахту, и млеко в дни постныя <...> и, приходяще к отцу Григорию, прошаху милости, да утолит их от глада того, Григорий же, яже имеяше, даяше требующим. И многое множество собирая по градом хлеба, кормяше приходящих к нему; даяше же и семена от обители свояе земледельцем на сеяние нив их. И тако во время глада прекорми народ безчисленный».³⁰

В Житии боярыни Морозовой, названной в заглавии этого произведения «преподобновеликомученицей», тема социального служения и милосердия, правда, с гораздо меньшим нажимом, тоже представлена: вспомним об упоминаемых в этом Житии тайных ночных походах боярыни по темницам и о раздавании милостыни («И по том многи милостыни сотвори, много имения расточи неимущим, многих с правезу скупы. И монастырем доволная подаваше, и церквам потребная приношаше, пустынников многих потребными удовлеваше, прокаженных в дому своем удовлеваше. Последи же от страдалца отца Трифилия уведе о некоей инокине благоговейной, именем Мелания, и призвавши ю и слышав словеса ея, возлюби зело, и изволи ю в мать себе избрати. <...> По темницам с нею ходящи пешима ногама и милостыню носящи»);³¹ в конечном счете самым главным ее социальным служением была поддержка единомышленников собственным примером стояния за веру.

Другой новой темой «мирских» житий является неизменно присутствующая в них тема брака и семьи, и шире — тема большого семейного дома

²⁸ Там же.

²⁹ *Козловский И. Ф.* М. Ртищев... С. 165.

³⁰ РГАДА. Ф. 381, № 420, л. 169 об.—170. Житие подчеркивает, что проповедничеством и благотворительностью опальный пастырь продолжал заниматься и будучи ссыльным. Из Игнатьевой пустыни на Лому он «хождаше милостыни ради в царствующий град Москву, а наипаче заступления ради бедных, понеже многих ради бед и напастей многии, приходящее к нему от различных градов, моляху того о заступлении <...> и многое множество, заступая, избавляше от уз, и темницы, и от смертныя градския казни <...> и вся собранная влагаше в утробы нищих, пекийся яко отец всеми душевне и телесне. Иноков же и белцов име в пустыни до двух сот и вящше <...>. Мнози же приходяху к нему от града Вологды и из многих сел, всякаго чина и возраста мужие и жены, слышати сладкаго его учения. Он же, яко чадолубивый отец, любезно всех принимаше, и не токмо в церкви, но и вне церкви и в келии всех поучаше и наслаждаше Божественным Писанием, духовною пищею. По том повелеваше посадити всех гражданов и поселян в трапезе, а не вмещающихся, множества ради, — вне трапезы, и всем пищу одинаку и равну предлагати» (Там же. Л. 170—170 об.).

³¹ Повесть о боярыне Морозовой. С. 128.

с чадами и домочадцами, как это было присуще быту русских людей XVII в. Эти жития населены женами и мужьями героев, их сыновьями и дочерьми, братьями и сестрами, служанками и «рабами», разного рода «чадью». В Житии Ульянии Осоргиной это ее родня по матери (до замужества она, рано осиротевшая, воспитывалась в доме бабки); это отец ее детей «доброродный» муж Георгий Осорбин, согласившийся после смерти двух их взрослых сыновей на непорочное житие с Ульянией, лишь бы не отпускать ее в монастырь; это «изобильные имением» свекр Василий и свекровь Евдокия, в доме которых Ульяния «поживе лета доволна» (они умерли на ее руках в глубокой старости и были с честью погребены ею); это ее многочисленные домочадцы и рабы, которым она оказывала милость (а между тем один из них убил ее взрослого сына) и которых она спасала от голода.

В Житии боярыни Морозовой — это в первую очередь ее младшая сестра княгиня Евдокия Урусова, разделившая с боярыней их общий подвиг; это сын боярыни Иван, низко поклонившийся с крыльца (деталь, особо отмеченная агиографом) во след уводимой в заточение матери («она и не видящи его»), безвременную смерть которого она оплакала в тюрьме; это родной брат боярыни Федор Соковнин, всячески помогавший ей во время заточения и посещавший ее в Боровском остроге; это ее деверь князь Петр Урусов, знавший о готовящихся репрессиях против боярыни и пославший свою жену княгиню Евдокию на верный арест в дом Морозовых; это старица Мелания, духовная наставница боярыни, носившая вместе с нею милостыню в темницы и живавшая подолгу вместе с другими инокинями в доме боярыни; это ее многочисленные слуги и «рабыни», которых при ее аресте допрашивали с пристрастием; это соузница и сострадалница сестер-мучениц Мария Данилова, жена стрелецкого головы Иоакима Данилова, и др.

В Житии Ивана Неронова — это тесть героя священник Иоанн, в приходе которого молодой Иван встал на путь священнослужения; это его жена Евдокия, в нищелюбии и страннолюбии следовавшая примеру своего супруга («Такожде и супруга его бяше страннолюбива зело, и во всем подражаше мужа своего, имущи жен и дев в своих храминах особно и подаючи им пищу и одежду неоскудну»);³² это и его преданный ученик Гавриил, служивший при нем дьяконом в нижегородской церкви Воскресения Христова, ставший после отъезда учителя в Москву настоятелем Воскресенской церкви;³³ это и многочисленные призываемые, обедавшие за его столом человек по сто и двести, составившие, надо думать, ту огромную толпу, которая провожала его в изгнание по улицам Москвы на протяжении «пяти поприщ» «до веси, нарицаемой Ростокиной, иже на реке Клязьме»,³⁴ и т. д.

Наконец, в Житии Федора Ртищева его семья и домочадцы представлены тоже весьма объемно. О них речь заходит при описании кончины героя: у его смертного одра присутствовали и получали последние напутствия и благословения сестра его Анна (Анна Михайловна Ртищева, в замужестве Вельяминова, активная сторонница патриарха Никона. — *Н. П.*), супруга Ксения (Ксения Матвеевна Ртищева, урожденная Зубова. — *Н. П.*), дочь

³² РГАДА. Ф. 381, № 420, л. 157.

³³ Там же. Л. 165—166 об.

³⁴ Там же. Л. 167 об.

Акилина со своим мужем князем Василием Одоевским (князь Василий Федорович Одоевский, внук ближнего боярина Никиты Ивановича Одоевского. — *Н. П.*), «ближний брат» боярин Богдан Хитрово (Богдан Матвеевич Хитрово — двоюродный брат Федора Михайловича, племянник его отца Михаила Алексеевича Ртищева. — *Н. П.*).³⁵ В описание кончины «милостивого мужа» Федора Житие сумело вместить и трогательные образы малых детей из большого дома Ртищевых, а именно Анны, малолетней дочери умирающего, и его племянницы Марии, вместе с одной из домочадиц, отроковицей Парасковией.³⁶

Мне представляется, что ряд отмеченных особенностей, свойственных рассмотренным текстам, — посвященность их особому герою, мирянину; принадлежность их особому автору, также мирянину; обязательное присутствие в их содержании социальной темы и темы «большой семьи», — позволяет выделить эти тексты в отдельную группу в пределах агиографии XVII в., обозначив их как «мирские» жития.

Широкая разработка темы «большой семьи», как и темы социальной активности и благотворительности, осуществляемая в «мирском» житии, представляется мне одной из основополагающих тенденций в процессе «обмирщения» нашей литературы на пути ее перехода к Новому времени. Бросается в глаза, что отмеченные особенности «мирских» житий XVII в. впитало в себя Житие протопопы Аввакума, им самим написанное, выдающийся памятник русской литературы, органично соединивший в присущих ему художественных принципах традиционность и новаторство: от наличия в нем мирского героя и мирского автора (представленных в его случае одним лицом) до постоянного присутствия в его художественном пространстве темы большой семьи (с чадами, домочадцами и духовными детьми), а вместе с нею темы социального служения.

³⁵ См. примеч. 13.

³⁶ *«Живяше в дому его отроковица, именов Парасковия, лет дванадесяти, еяже ради кротости бе к ней милостив. И прежде дний двою исхода души его, возляже она отроковица по вечернем правиле почити <...> и в тонце сне зрит сего Феодора седяща на одре своем лицом веселым, ризы и обувь имуща светла, на главе же его венец. И внезапно узре пришедша к нему юношу <...> иже рече к Феодору: „Зовет тя царевич Алексей.“ Он же отвеща: „Пожди мало, еще ми не леть“. <...> И помале узре к нему дву пришедших во одеяниях светлых, и глаголаху ему: „Зовет тя царевич Алексей“. Он же воста от одра своего и идяше из храмины тоя. <...> При ногу же его узре она <отроковица> *дщерь его Анну и дщерь брата его Феодора Меньшаго Марию, отроковиц малолетних сущих.* Он же к ним рече: „Отидите, да не поиму вас“. Отлучив же их от ногу своею, изыде из палаты своея» (Козловский И. Ф. М. Ртищев... С. 168. Ср.: Панич Т. В. Житие Федора Ртищева... С. 248—249).*